

Андрей МИСИН: "Куплю машину только на честно заработанные деньги..."

Смена. — С. 110. — 1993. — 12 нояб. — С. 5.

Андрей, расскажи мне откровенно о своих успехах в Штатах. Время от времени я натываюсь на информацию, что Мисин — чуть ли не друг Клинтона, почетный гражданин какого-то штата, что ты едешь в Америку пластинку записывать...

— Каждый журналист фантазирует в меру своих возможностей, мало кто довольствуется обыкновенным ответом.

— Неужели Мисин пел в русскоязычных кабаках? Кому он там нужен?

— Как только возникает такой вопрос, я тут же определяю уровень профессионализма журналиста. Действительно, безумно даже представить идею моего выступления в каком-нибудь ресторане. Один раз, правда, я выступал в Канаде в руском клубе перед эмигрантами первой волны. А в Америке и Канаде я пою на фестивалях. Уже четыре года подряд езжу каждое лето на фестивали, которых там великое множество.

Ты наверно поешь еще для студентов, изучающих русский язык?

— Да, часто выступаю в университетах, но это скорее концерты-лекции, приходится много рассказывать, объяснять.

Что же такое летний фестиваль, например, в Канаде?

— Вот фестиваль в Виннипеге. Семь дней, семь концертных площадок. Двести пятьдесят участников. Все действие происходит в лесу, около Виннипега, куда съезжаются фантастическое число людей на своих машинах. Я работал там четыре раза. Три раза в концертах по системе «арт-шоу», когда на сцене сидят три-четыре музыканта и по очереди играют каждый свои композиции. Я сыграю одну песню, кто-то добавит свою третью вступил, а затем я захочу вновь сыграть. Публика воспринимает такой концерт «на ура».

Был у меня и сольный концерт, где, отыграв положенные тридцать минут, я забрал еще двадцать пять у следующего за мной коллектива. Публика не отпускала меня, люди подтянулись с других площадок. Когда я сошел со сцены, то журналист Юра Филинов сказал мне: «Ты знаешь, я не смогу даже об этом написать, мне не поверят!»

Что же так публика возбудилась?

— Не знаю. Люди потом говорили, что мне удается как бы с помощью звуков сделать перевод своих песен. Публике хватает одного объявления названия песни, все остальное они прекрасно понимают, исходя из аранжировок, из смен музыкальных эпизодов.

А насчет Клинтон, это серьезно?

— Понимаешь, на фестивале в штате Арканзас неожиданно оказалось, что я и группа «Ариэль» работаем в рамках предвыборной кампании Клинтон. Мы неплохо поработали, раз вернулись с большими дарственными грамотами, подписанными нынешним президентом. Ровно через месяц меня опять пригласили на этот фестиваль, прислав вызов уже как почетному жителю этого штата, причем в их об этом не просил.

Наверное, дело не только в музыке, но еще и в том, что ты талантливый исполнитель, которого легко понимают люди любой страны.

— Ты знаешь, у меня часто срывается комплекс, я не считаю то, что я делаю, достойным исполнением. Мне не интересно петь, а вот создавать инструментальные фонограммы — другое дело. Я все записываю от первой до последней нотки сам. Все гитарные соло играю, не говоря уже о клавишных инструментах.

Принципиально?

— Дело все в том, что я играю на

Фото Вячеслава ГУРЕЦКОГО

многих инструментах гораздо интереснее, чем многие так называемые гитаристы или клавишники. Главное, что я играю то, что нужно мне. Некоторые мои гитарные соло ты можешь слышать на фонограммах Минаева, Лозы. Но я не выходящий студийный музыкант, потому что работаю очень медленно. Чтобы записать всего лишь две фразы на песни Юры Лозы, я несколько часов просидел один в студии, выгнав всех. Беда многих музыкантов в открытом перереборе инструментов на их фонограммах. Много еще не значит хорошо. Меня это отношение, между прочим, радуют наши реперы. Например, Богдан Титомир или группа «Ван Моо».

Вот уж не ожидал от предсавителя высокого жанра артрока услышать похвалу репу!

— Меня бесит, когда говорят, этот жанр... Вот например, я вчера слушал как Галина Романова поет песню морячки, и это же вызвало у меня никаких отрицательных эмоций. Все чисто, в стилистике жанра сделано, она весьма симпатичная, забавно пританцовывает, правильно интонирует. У меня вызывает отвращение только то, когда на сцене появляются люди, которым туда не надо было бы выходить абсолютно бездарные.

Мне доводилось читать твои резкие и, на мой взгляд, необоснованные претензии к нашим рок-музыкантам. Ты ведь даже Цоя «приложил»!

— Это была жуткая история. В серьезной газете «Аргументы и факты» меня спросили: «Что такое Цой?» И я ответил: «Ну, Цой — это не музыка, это образ, существование, это смысл жизни». Это между прочим слова самого Цоя. И вдруг они взяли и отрезали: «Это не музыка», и поставили точку. После этого Цой внезапно погибает, а через месяц выходит это старое интервью. Вот и попробуй после таких слов, докажи, что ты не верблюд. И можешь себе представить, ко мне на улицах подошли многие молодые ребята и спрашивали: «Вы действительно так думаете?» Мне приходилось отстаивать себя и каждому человеку вновь всю эту историю рассказывать тогда как «Аргументы и факты» не снизили до исправления своей ошибки.

Ты по сути своей студийный музыкант, а много ли пла-

тинок выпустил?

— В последнее время дела лучше пошли. Я наконец выпустил компакт диск «Азесьм» с четырнадцатью композициями на русскую тему. Выпустили мы и совместную пластинку с группой «Альянс», с певицей Инной Жепанной. В мае этого года в Германии в одном из сборников фирмы «Блю фаер» вышла моя песня «Чужой», а вскоре появится и песня «Лей, вода». Мне нравится сотрудничать с немецкими продюсерами, потому что они оценили меня прежде всего как композитора и теперь будут являться моими агентами по продаже какой-нибудь из моих песен какой-то крупной мировой звезде.

Андрей, ты и на сцене и в жизни весь какой-то возвышенный, отрешенный. Не можешь представить тебя героем скандальной хроники?

— Меня часто спрашивают: «Почему до сих пор ты не научился водить машину?» Я отвечаю: «Куплю машину тогда, когда смогу честно заработать деньги, после этого честно прийти в магазин и купить машину, без малейшего намека на договоренность с какими-то людьми». Этот же принцип существует для меня и в искусстве. Каждый день я просыпаюсь и в восемь утра сажусь за инструмент, чтобы до обеда совершенно спокойно работать. Каждый Божий день.

Я думал уж и нет таких музыкантов в российской эстраде.

— Я не для пафоса тебе это рассказываю, просто хочу, чтобы тебе стало более-менее понятно, как я живу в эти трудные времена.

Чего ж они такие трудные? Уж вроде главные трудности пройдены.

— Трудные вот в чем. Революция порождает огромный эмоциональный взрыв в умах артистов, художников, музыкантов, но когда что-то не совершается, незамедлительно следует спад. Этот спад у нас сейчас нагряден. Девяносто процентов звучащей отечественной музыки, на мой взгляд, направлено на так называемое псевдонациональное сознание, ничего общего не имеющее с настоящей народной культурой. Поручики, есаулы, подесаулы, розы и тюльпаны всех расцветок, тоскливая любовь. В пятидесятых годах после повальной амнистии стало модным даже в

артистической среде вернуть пару словечек из блатного жаргона. Примерно та же ситуация и сегодня. Что-то не получается — народ начинает тосковать, наверх тотчас же выбираются исполнители в слегка приблатненном жанре. Трудные времена настали для тех музыкантов, которые понимают то, что я тебе сейчас рассказал, понимают всю эту неправду и пытаются какими-то способами все равно держать планку.

Возьми группу «Альянс» — любопытнейший проект, который не был замечен ни специалистами, ни публикой. Вот и не стало «Альянса». Мне лично почти все музыканты нашей страны отчаянно завидуют по-хорошему: «Ты, Андрей, единственный, кому удается все-таки оставаться самим собой, делать то, что ты хочешь, делать хорошо и за это еще и деньги получать».

Нутак уж и единственный! Гребенщикову прекрасно удается делать примерно то же. Причем его творчество ведь гораздо шире резонирует, да и гонорары у него несравненно выше.

— Хорошо, я тебе отвечу. Почему люди не понимали Мусоргского и слушали Чайковского? Это то же самое. Традиция Гребенщикова, как и традиция Макаревича, как и традиция Цоя, основана не на музыкальном языке, а на языке слова, если уместна такая маленькая тавтология. Точней, на культуре слова. Это всемирно апробированная традиция, вспомни хотя бы Боба Дилана. Все понятно массам, когда с ними говорят на языке понятном.

Неужели Гребенщиков говорит на таком уж понятном массам языке?

— В том-то и дело! Если бы мне пришлось выводить процентное отношение в его произведениях, то я бы девяносто процентов отдал словам, а десять — музыкальному сопровождению. У меня же все происходит наоборот: я хочу все сказать звуками, слова многих песен всего лишь подтверждают музыкальную идею. Илюдей часто отпугивают не те слова, что я произношу, а те звуки, которые они слышат. Им непонятно, почему в этом месте оркестр «взрывается»? Многие говорят мне, что любят мою музыку слушать дома. И я согласен: дома, на лазерном проигрывателе все звучит именно так, как я задумал.

Хотя ты живешь в Москве, но музыка твоя по духу мне представляется ленинградской, петербургской.

— А я родился в городе Лодейное Поле, и все мои родственники живут в Питере и в этих краях.

В 89-м, когда Мисин вдруг появился на эстраде, небосклон, к тебе был большой интерес, как ко всякому новому явлению, а теперь интерес все угасает: ну поет человек, ну мелькает по телевидению, а ничего принципиально нового с ним не происходит.

Наверное все дело в том, что у меня нет ни малейшего желания рваться на сцену. Нет особого желания петь, зато я болен навязчивой идеей как можно быстрее реализовать все свои музыкальные идеи как композитор.

То есть дорога одна — на Запад.

— Естественно, но не только из-за денег. Дело в том, что здесь на меня навесили ярлык этакого активного русофила, и никак не сбросить его. Знаешь, меня только и приглашают на концерты, связанные с духовностью, религией, церковью.

Твой сольный концерт Питер когда-нибудь увидит?

— Пока не поступало предложений. Понимаешь, я никогда никому не навязываюсь. Ну нет во мне этого! К тому же меня все время тянет в студию, создавать что-то новое, я уже записанные вещи больше десяти се-

кунд не могу слушать. Певец не может не выходить на сцену, если он певец. Я могу не выходить. Значит я не певец. Но я не могу не работать за роялем каждый день. Мне неудобно перед зрителями, но все чаще выхожу и думаю: «Боже, так я уже давным-давно все это сказал». Конечно, с такими мыслями трудно попасть в скандальную хронику.

Ты говоришь, что не можешь слушать свои же записи больше десяти секунд, а можешь вернуться назад и переписать уже готовую песню?

— Ни за что. Потому что в первый момент записи стопроцентно работаю эмоция, дальше начинается умствование и желание понравиться. В Америке и Канаде я выходил к публике и говорил: «Здравствуйте, я композитор и я вам расскажу и покажу то, как я мыслю». Западной публике не нужно к этому добавлять ничего, так как в музыкальной культуре там заложено понятие: что это такое — поет композитор.

Почему же тогда твои песни так мало поют другие артисты?

— Я же говорил: никому не навязываюсь, хотя я тебе скажу, может быть, свое самое сокровенное желание — взять два-три часа моей самой разной музыки и раздать почти все песни разным исполнителям.

Западным?

— Да, потому что нужны различные манеры пения, а у нас все поют приблизительно в одной и той же манере.

Андрей, я удивляюсь, как такой серьезный человек может гонять мяч в футбольной команде «Старко»?

— Я уже устал от футбола, потому что вдруг на себе начал созавать: все спортсмены в плане умственного развития обречены на вечную нехватку сил и времени. Вот мы сыграли матч в выходные, а следующий надо играть в пятницу. Но в перерыве от понедельника до пятницы, так трудно на чем-то другом сосредоточиться. Отдыхаешь, отлеживаешься, болячки залечиваешь, съездишь на тренировку в сауну. Какая там творческая работа? Может быть уже пора мне остановиться с футболом!

На одном из последних матчей я вышел на поле в защиту, а голова забита музыкой. Нет никакого желания бегать, но у меня договор, контракт. Год назад в Нью-Йорке на Пятой авеню встретил одного приятеля, бывшего нашего музыканта, и на вопрос о новостях стал рассказывать о футболе. Он слушал, слушал и говорит: «Андрей, я никак не могу понять, ты кто — футболист или музыкант? Какой футбол, о чем ты, ты музыку писать должен». Но идея футбольной команды звезд эстрады уж больно хороша. Иногда приходится ради этой идеи переступать через какие-то личные моменты.

Так, стало быть, ты скоро вновь в Америку?

— Я улетаю со всей семьей. В прошлом году провел там два месяца, должен был еще задержаться, но у меня дома очень сильно заболела жена. Она была в крайней стадии истощения. Выяснилось, что она без меня не может. И психологически и физически. Да и мне одному там госклиника. Если я, извини за выражение, не блядун и не пойду в Америке в публичный дом, то, естественно, во мне накапливается энергия одиночества.

День за днем я оставался один. Я, знаешь, даже лазейку нашел, когда за каких-нибудь пять баксов какой-то негр на халюгу соединил меня по телефону с Москвой, и я мог хоть час разговаривать с женой. Я не смогу совсем уехать, даже на год, не могу кого-то бросить, я постоянно должен всех видеть, со всеми общаться, но при этом с утра до обеда железно я должен быть за инструментом. Это просто то время, когда меня нет ни для кого. Вся остальная жизнь — после обеда.